

Şener Aktürk. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia and Turkey. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2012. 306 p. (Series: Problems of International Politics)

Начну рецензию на книгу «Режимы этничности и государственности в Германии, России и Турции» фразой, которой тексты такого жанра принято заканчивать: несмотря на некоторые недостатки, эту книгу стоит как можно скорее перевести на русский язык. Проблемы, обсуждаемые турецким политологом и историком Шенером Актюрком, принадлежат к числу самых горячих и болезненных для России — а концепция, предлагаемая им, дает возможность нового, весьма продуктивного их изучения и решения.

Общая идея книги довольно проста. Одним из важнейших методов управления культурным разнообразием и разнообразием идентичностей в современных государствах является режим этничности, показывающий, как именно государство — на уровне законодательства и публичных деклараций — соотносит гражданство и этничность. Актюрк вводит и сам термин «режим этничности» и предлагает типологию таких режимов. Их автор насчитывает три, подразумевая, что это закрытая классификация, то есть что других типов в современном мире не бывает.

1) Моноэтническое государство, то есть классическое для Нового времени национальное государство. Его власти предполагают, что оно создано для определенного, чаще всего — титульного этноса. Представителей других этносов такое государство объявляет «национальными меньшинствами» с особым статусом или отказывается признавать гражданами. Недостатки такой модели с точки зрения прав человека очевидны.

2) Антиэтническое государство, которое принимает в гражданство всех живущих на его территории. Недостаток антиэтнических государств состоит в том, что они могут

отказываться предоставить меньшинствам культурные права. Например, в таких странах иногда запрещается использование в публичной сфере любых языков, кроме официально принятого, или символов, указывающих на партикуляристское обособление групп и общин. Таков, например, запрет на религиозно маркированную одежду в школах Франции.

3) Мультиэтническое государство, в котором гарантированы права всех этнических меньшинств и граждане равноправны. Неочевидный недостаток таких государств состоит в повышенном внимании к этничности своих граждан.

Примерами государств этих трех типов Актюрк считает соответственно Германию (моноэтническое), Турцию (антиэтническое) и СССР (мультиэтническое). Режим этничности в каждой из этих стран — и, по предположению Актюрка, в любой стране — является важнейшей частью политической культуры. Эти три страны интересны потому, что во всех трех режим этничности изменился в конце XX или начале XXI века.

Германия (сначала Западная, а затем объединенная) на протяжении 1960–1990-х годов отказывалась давать гражданство все более многочисленным гастарбайтерам из Турции, Италии, Югославии и так далее. При этом консервативные политики и журналисты объясняли, что Германия — «не страна иммиграции», в отличие от США, и что немецкими гражданами могут быть только люди, объединенные «общностью судьбы» (устоявшийся термин немецкой политической риторики). Эти представления опирались на закон о гражданстве 1913 года, сохранявший силу и в Веймарской республике, и во время правления нацистов, и в послевоенной ФРГ.

Однако в 1999 году был принят новый закон о гражданстве¹, благодаря которому стало возможным и массовое принятие в гражданство гастарбайтеров, и все более активное участие политиков не немецкого происхождения (например, этнических турок) в германских органах земельного и федерального управления. Таким образом, произошел переход от моноэтнического режима к антиэтническому.

В Турции государство еще со времен его основания Мустафой Кемалем Ататюрком принимало в гражданство всех турок и/или верующих мусульман, но отказывалось признавать культурные особенности курдов, алевитов², заза, армян и других меньшинств. Официозные турецкие социологи и этнологи еще в 1980-е годы доказывали, что курды — это просто особая группа турок. Первая курдянка — депутат турецкого Национального собрания Лейла Зана в 1994 году была арестована и приговорена к 10 годам тюрьмы за речь на курдском языке с парламентской трибуны. В 2004—2009 годах, однако, эта ситуация резко изменилась: сначала было разрешено радио- и телевидение на языках национальных групп Турции (курдском, армянском, зазаки³ и других), а в 2009 году был открыт даже первый курдский телеканал. В том же году правительство Реджепа Тейипа Эрдогана провозгласило политику «демократической открытости» меньшинствам. Все эти меры могут быть охарактеризованы как переход от антиэтнического к мультиэтническому государству.

В СССР, по мнению Актюрка, мультиэтнический режим поддерживался при помощи двух главных мер: федеративного устройства страны и строки «национальность» в паспорте. Обязательное указание национальности было необходимо, в частности, для репрессий против «неугодных» этносов и в целом для проведения политики в духе «разделяй и властвуй». В 1997 году, уже в постсоветской России, «пятый пункт», указывающий на

национальность в паспорте и официальных анкетах, был отменен. Этот значимый шаг, как полагает исследователь, свидетельствовал о начале перехода от мультиэтнического режима к антиэтническому.

Во всех этих трех случаях изменению подверглись важнейшие, не менявшиеся несколько десятилетий принципы государственного управления. До этого интеллектуалы и (в Западной Германии и Турции) политическая оппозиция трех стран много и безрезультатно критиковали эти принципы, так что нельзя говорить о том, что сама возможность изменения режима этничности была для политических элит в новинку. Обсуждая эти сдвиги, Шенер Актюрк вступает в бурно ведущуюся сегодня дискуссию о *path dependence* — фатальной зависимости политической и экономической культуры страны от ее предшествующего развития. Актюрк показывает — и прямо об этом говорит — что, по крайней мере, в таком важном пункте, как режим этничности, «зависимость от пути» преодолима. Но такое изменение дается чрезвычайно трудно и требует целого ряда условий.

Сравнивая три трансформации, Актюрк показывает, что во всех этих случаях воспроизводятся общие структурные черты. К власти должны прийти представители группы, прежде находившейся в оппозиции. Их перевес во влиянии над прежними «властителями дискурса» должен быть очень значительным. У этих новых правителей должна быть своя, выработанная прежде идеология этничности. В Германии такой идеологией стало представление о стране как об общем доме разных этнических религиозных групп, выработанное социал-демократами, левыми либералами из Свободной демократической партии и «новыми левыми» (прежде всего, Партией «зеленых») в 1970—1980-е годы. В Турции — концепция исламского мультикультурализма, актуализированная турец-

кими «евроисламистами», прежде всего, из Партии справедливости и развития, которая пришла к власти на выборах 2002 года и сохраняет парламентское большинство до сих пор. В СССР и постсоветской России — идея наднациональной гражданской и культурной общности, которая прежде называлась в публичном языке «советский народ», а после 1991 года — «россияне».

Исследование Актюрка основано на результатах анализа публичных дебатов — прежде всего, прессы и протоколов парламентских заседаний — и огромном корпусе интервью, которые он взял во всех трех странах у политических и общественных деятелей и экспертов.

Книга Актюрка имеет для России очень большое общественное и научное значение.

Ее общественное значение состоит в том, что эта работа дает концептуальную и сравнительную «рамку» для обсуждения проблем, связанных с трудовой миграцией и этническими диаспорами — в общем, с теми, кого принято называть «понаехавшими». В России эти дискуссии большей частью неконструктивны, а во время кампании по выборам мэра Москвы летом 2012 года, когда все кандидаты эксплуатировали «мигрантскую» тематику, и вовсе приблизились по своему градусу к коллективной истерике. Особенно выразительны разделы книги, посвященные Западной Германии 1970-х — начала 1980-х — тамошний консервативный дискурс о гастарбайтерах был до слез похож на нынешний российский. В 1982 году правые интеллектуалы ФРГ обнародовали Гейдельбергский манифест⁴, в котором жаловались, что из-за нашествия людей с другой культурой чувствуют себя иностранцами в собственной стране, утверждали, что мигранты угрожают немецким культурным и религиозным нормам и призывали к возрождению немецкой семьи. Если заменить географические реалии, вероятно, в современной России под таким документом

охотно подписались бы этнонационалисты в диапазоне от Александра Проханова до Константина Крылова. Но очень важны и отличия. В ФРГ в дискуссии было очень мало «слепых пятен», политики и журналисты обсуждали все детали правового, культурного и экономического статуса мигрантов. В российских спорах полным-полно умолчаний. В ФРГ были политики, готовые пойти против консервативного общественного мнения. Актюрк приводит парламентскую речь 1984 года молодого тогда депутата Бундестага от Партии «зеленых» Йошки Фишера — как известно, впоследствии ставшего одним из влиятельнейших немецких политиков. Фишер заявил тогда под крики и оскорбления правых, что процесс иммиграции из менее развитых стран в ФРГ неостановим, надеяться на его прекращение — значит, сеять в обществе ксенофобию и что отказ от предоставления переселенцам гражданских прав порождает «...уголок Южной Африки [то есть режима апартеида] в политическом и общественном устройстве Федеративной Республики». Трудно себе представить сколь-либо известного российского политика, который решится выступить с подобными заявлениями в Государственной думе или на митинге «несистемной оппозиции». Представьте, например, человека, готового публично заявить, что нынешняя эксплуатация мигрантов аморальна, а визы в отношениях со странами Средней Азии вводить нельзя, потому что это приведет только к повышению коррупции и к новым притеснениям ни в чем не повинных людей, а единственный выход — предоставить мигрантам из стран Средней Азии гражданство и выделить большие деньги на государственную программу их интеграции.

В ФРГ точка зрения Фишера победила — и в результате в этой стране, несмотря на сложности с мигрантами, все же пока не было волнений в этнических районах мегаполисов, подобных парижским или лондон-

ским, а большинство призов на кинофестивалях за немецкие фильмы получают режиссеры турецкого происхождения.

Книга Актюрка, на мой взгляд, имеет и серьезное научное значение — по двум причинам.

Во-первых, турецкий политолог фактически предлагает новый вариант развития сравнительной транзитологии (СТ). До недавнего времени считалось, что СТ изучает разные траектории перехода от авторитарного режима (преимущественно «социалистического») к демократическому. Начиная с конца 1990-х транзитологи сетуют, что бывшие авторитарные общества сохраняют ряд специфических черт, так что непонятно, считать ли их состоянием временным или оно теперь установилось надолго⁵. Актюрк показывает, что транзитология может быть совсем другой, потому что «фазовые переходы» в политической истории далеко не сводятся только к трансформации авторитаризма под социалистическими лозунгами — в «демократию вообще». Во-вторых, концепция режимов этничности позволяет создать новый — сугубо политологический — путь для изучения управления разнообразием (УР) в многонациональных обществах. Сегодня главной парадигмой для интерпретации УР являются имперские и постимперские исследования (*Imperial and Post-Imperial studies*). Подход Актюрка дополнителен по отношению к ним.

Три обсуждаемых Актюрком государства можно сопоставить не только по недавним изменениям режима этничности, но и по другим критериям. У всех этих стран в «анамнезе» есть революция, приведшая в конце 1910-х — начале 1920-х к установлению республиканской формы правления. Все они пережили период организованного властями геноцида: Германия — в нацистский период, Турция — в период возникновения государства, СССР — в ходе «расказачивания» и массовых депортаций 1930–1940-х годов, если не

обсуждать Голодомор. Память об этих событиях делает дискуссии о «режиме этничности» особенно напряженными и болезненными, придает им травматическую «подсветку».

Турецкие власти не признают геноцидом террор против армян, ассирийцев и греков в 1915 году, однако турецкое общество о нем помнит — о чем ярко говорит массовая реакция либералов на убийство журналиста-армянина Гранта Динка в 2007 году. У двух из трех стран — имперское прошлое: кемалистская Турция возникла на обломках Османской империи, СССР был своего рода «переформатированным» вариантом Российской империи, наследующая ему постсоветская Россия сохраняет значительную часть имперских черт.

Главный недостаток книги, как ни странно, заключается в логичности и красоте предложенного подхода. Политические и социальные процессы почти никогда не зависят от какого-нибудь одного фактора, а Актюрк пишет так, как будто ничто, кроме описанного им конфликта элит и их курсов, на режим этничности не влияет. Конечно, «постимперским» подходом всего не объяснишь, но и совсем отказываться от него слишком рискованно. И в Турции, и в России управление разнообразием было на протяжении столетий важнейшей функцией государства. Апелляции к этому опыту — положительные или отрицательные — используются в публичных дискуссиях до сих пор — по крайней мере, в России, где, например, националисты разного толка, от умеренных до крайних, то и дело утверждают, что русские, украинцы и белорусы составляют якобы один народ. Как известно, эта мысль, развитая еще в «Синописе», приписываемом архим. Иннокентию (Гизелю)⁶ (ок. 1600–1683), впоследствии послужила обоснованием для запрета использования украинского языка в XIX веке⁷, хотя русская либеральная интеллигенция уже тогда не соглашалась с подобной унификацией. Второй фактор, который

в книге практически не упоминается, — это политическая концепция мультикультурализма, очень влиятельная в Европе и США в 1990-е годы. Ее влияние, по-видимому, отчасти сказалось на преобразовании режима этничности в Германии и особенно в Турции, руководство которой долгие годы стремилось вступить в Европейский союз и ориентировалось на европейские практики поощрения культурного многообразия⁸. Актюрк вводит парадоксальный для европейского уха термин «исламский мультикультурализм». Обычно принято считать, что мусульмане (в Европе) — скорее объекты мультикультуралистской политики, чем ее субъекты. Автор книги объясняет, что в конце 1990-х в Турции основой для «мультикультуралистского» консенсуса умеренных исламистов и светских политиков стали ссылки на *Medina Contract* — так называемую Мединскую конституцию 622 года⁹, документ, составленный пророком Мухаммадом и предоставляющий иудеям юридическую автономию в создававшемся тогда исламском государстве. Однако вопрос о влиянии европейского мультикультурализма на эту концепцию Актюрк все-таки не обсуждает.

Выстраивая свою схему, Актюрк полагает, что этничность во всех анализируемых им странах осмыслялась одинаково или, во всяком случае, сходно. Согласиться с этим трудно. В послевоенной Западной Германии этничность понималась — и понимается в нынешней объединенной Германии — как явление прежде всего культурное, в Турции — культурное и/или религиозное, в СССР — как биологическое. В Германии до принятия закона о гражданстве 2000 года «турок» — это, чаще всего, переселенец из Турции, сохраняющий ее гражданство, мусульманское вероисповедание и ряд бытовых привычек, или сын/дочь такого переселенца. В Турции «курдом» называют человека, который говорит по-курдски и настаивает на признании

своего права говорить на этом языке, а «але-витом» — человека, который требует признания прав на отправление особого религиозного культа. Однако в СССР «евреем» могли называть человека, говорящего и думающего по-русски, не исповедующего иудаизм (или даже верующего православного), на основании того, что оба его родителя или один из них были записаны в паспорте и анкетах как «евреи».

Решающим моментом в истории советского режима этничности Актюрк считает 1932 год, когда в паспортах граждан СССР появилась графа «национальность». В действительности таких моментов было два. Помимо упоминаемого им постановления 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов», был еще секретный циркуляр НКВД № 65 от 27 апреля 1938 года, обязательный для исполнения всеми ЗАГСами — отделами записи актов гражданского состояния. Этот циркуляр определил, что граждане СССР не имели права выбирать свою этническую принадлежность (кроме детей от смешанных браков). С момента выхода циркуляра № 65 этничность могла определяться только по «национальности» родителей и только из закрытого списка национальных групп СССР (кроме редких случаев иностранной иммиграции)¹⁰. Циркуляр НКВД и заложил основы советского понимания национальности как расово-биологической характеристики, которая остается неизменной в течение всей человеческой жизни.

Актюрк замечает, что советское понимание этничности было «примордиалистским», но, кажется, не принимает во внимание, насколько значима эта особенность для его классификации. Я полагаю, что отмена графы «национальность» в паспортах России в 1997 году стала поворотом не столько к антиэтническому государству, сколько от биологического понимания этничности —

к культурному. Современное российское государство, по классификации Актюрка, сочетает черты мультиэтнического и антиэтнического, более того — как известно, разным структурным образованиям внутри РФ «дозволяется» различная степень культурной и политической самобытности. Поворот в понимании этничности произошел на уровне политических элит — в обществе во многом сохраняется советское, биологическое восприятие «национальности».

Для того чтобы показать, насколько своеобразной была советская политика этничности, нужно обсудить еще один аргумент Актюрка. Автор книги полагает, что дискурс «советского народа» как единой общности был принят на вооружение в конце 1950-х годов Никитой Хрущёвым и стал конкурирующим по отношению к ранее появившейся политике «обязательной этничности». Актюрк подробно пишет о советских этнографах, которые доказывали, что национальные группы в СССР сближаются и сливаются в «новую наднациональную общность — советский народ». Исследователь предполагает, что концепт «советского народа» давал возможность для нового — сугубо гражданского, а не этнического — определения советской идентичности и что Хрущёв даже планировал отменить графу «национальность» в паспорте. Но эта радикальная идея генсека принята не была, а понятие «советского народа» использовалось в официальной советской риторике постоянно — и вполне мирно уживалось со столь же активным использованием «пятого пункта».

По-видимому, дискурс «советского народа» и биологическое понимание национальности, в отличие от анализируемых Актюрком случаев Германии и Турции, находились в отношениях не конкуренции, а функциональной дистрибуции.

Саму идею «советского народа» придумал Николай Бухарин и обосновал ее в своих ста-

тях 1935 года, направленных на пропагандистское обеспечение будущей «сталинской» конституции 1936 года, устанавливавший не пролетарскую диктатуру, а «общенародное государство»¹¹. (Впрочем, социальное происхождение, вроде бы потерявшее значение по этой конституции, в советских паспортах указывалось наряду с национальностью до 1974 года. Тогда были введены внутренние паспорта нового образца, которые впервые могли получить все граждане СССР, а не только горожане¹². Актюрк неточно связывает это новшество с советской конституцией 1977 года.) Окончательно термин закрепился в том же 1938 году, в котором Бухарин был расстрелян: Василий Лебедев-Кумач в стихах для появившейся тогда пропагандистской песни «Если завтра война» писал: «Как один человек, весь советский народ / За свободную Родину встанет».

Определение «советского народа» венчало пирамиду советских этнических категорий, которые были в официальном дискурсе упорядочены иерархически. СССР был организован не как классическая федерация или конфедерация, но как своего рода территориальная пирамида, в которой были образования «главные» — союзные республики, «подглавные» — автономные республики и «совсем подподглавные» — автономные области и еще более скромные автономные округа, и все это — среди «не-национальных» областей и краев. «Советский народ» как «новая наднациональная общность» надстраивался над этой пирамидой как самая верхняя, умопостигаемая ее категория.

В 1960–1970-е годы, по-видимому, категория «советского народа» использовалась в пропаганде для апелляции к единству всего общества, основанному на тотальном большевистском проекте модернизации для всех структурных единиц СССР, то есть термин был нужен для отграничения СССР от других обществ. «Национальная» риторика была необходима во многом для демонстрации вну-

тренного разнообразия и самодостаточности этого большого единства. Паспортное определение национальности — непосредственно для практик управления разнообразием, основанных на избирательных ограничениях и предпочтениях для разных этносов. Таким образом, апология «советского народа», прославление его разнообразия и паспортное определение национальности относились к разным функциональным сферам политической категоризации, но совершенно не исключали друг друга, а скорее дополняли.

Все эти замечания, как мне кажется — не буквоедство: они показывают, что логика Актюрка работает лучше всего при анализе «нормальной» публичной сферы европейского образца. В СССР же она была искажена; законы могли быть написаны не для исполнения, а для пропагандистского эффекта, а очень важные для общественного развития дискурсы вообще могли существовать практически вне советского публичного поля — как, например, родившийся в 1960-е годы интеллигентский дискурс религиозной идентичности. Этот дискурс, одновременно более универсалистский, чем советская пропаганда и более партикуляристский, чем она, во многом противостоял и идее «советского народа», и практике определения националь-

ности «по папе и маме». По-видимому, после легализации религиозной жизни на рубеже 1980-х — 1990-х он повлиял на постсоветскую трансформацию представления об этничности из биологического в культурное.

Эти «сбои» предложенного Актюрком метода показывают, что изучение управления разнообразием в современных государствах не могут быть решены только методами политологического анализа парламентской и партийной практики или методами социологии элит. Обычно эти проблемы решаются преимущественно с помощью истории управленческих практик и интеллектуальной истории. Книга турецкого политолога, как это часто бывает при рождении новой научной парадигмы, «перегибает палку в другую сторону» по сравнению с прежними подходами.

Из его работы следует, что именно политология позволяет соединить в изучении управления разнообразием сиюминутную современность и историческое прошлое — и показать, как они связаны и в чем разделены. Возможно, эта чуть схематичная по подходу и в то же время очень добросовестная и масштабная по историческому видению книга свидетельствует о рождении нового научного направления. ■

ИЛЬЯ КУКУЛИН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Строго говоря, этот акт — не закон о гражданстве, а закон о внесении поправок в закон 1913 года. Он вступил в силу с 1 января 2000 года.

² Алевиты (*Alevi*) — большая (несколько миллионов человек) религиозно обособленная этнокультурная группа в Турции. Турецкие алевиты в быту и богослужении пользуются турецким и курдским языками. Вероучение алевитов предполагает совместную молитву мужчин и женщин. Религиоведы считают его особой ветвью шиизма, но сами алевиты себя шиитами чаще всего не признают. Актюрк, обсуждая турецкие режимы

этничности, рассматривает алевитов как своего рода квазиэтнос. Алевитов нельзя путать с алавитами — еще одной религиозной группой в странах Ближнего Востока, также, вероятно, генетически восходящей к шиитам и играющей большую роль в нынешних событиях в Сирии. В вопросе о том, насколько родственны алевиты и алавиты и какое отношение они имеют к другим толкам ислама, испытавшим влияние христианства — например, бекташи — нет единого мнения ни среди религиоведов, ни среди этнографов, но у Актюрка слово *Alevi* имеет точный смысл: оно обозначает одну из этнокультурных общин нынешней Турции, имею-

щую достаточно ясно выраженное групповое самознание.

³ Зазаки — язык заза, народа, живущего на востоке Турции в верховьях Тигра и Евфрата. Как и курдский, принадлежит к иранской группе.

⁴ Опубликован в газете *Frankfurter Rundschau* от 4 апреля 1982 года.

⁵ См. дискуссии в статьях: *Wiarda H.J.* Southern Europe, Eastern Europe, and Comparative Politics: Transitology and the Need for New Theory // *East European Politics & Societies*. 2001. Vol. 15. No 3; *Gans-Morse J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // *Post-Soviet Affairs*. 2004. Vol. 20. No. 4.

⁶ Другим возможным автором «Синописа» историки называют современника Гизеля Ивана Армашенко (*Чистякова Е.В.* *Синопис // Вопросы истории*. 1974. № 1. С. 215–219).

⁷ Этот язык считался крестьянским диалектом русского языка, «испорченным» якобы под польским и австрийским влиянием.

⁸ Я не разделяю представлений, высказанных Ангелой Меркель, Дэвидом Кэмероном и другими представителями европейских политических элит — о том, что мультикультурализм якобы в 2000-е годы потерпел крах. В действительности в ходе событий 2000-х была дискредитирована другая концепция, ошибочно отождествлявшаяся с мультикультурализмом — о возможности независимого сосуществования изолированных этнических и религиозных культур в современном обществе. Более подробно

см., например: *Multiculturalism: Mr. Cameron's Crude Caricature Solves No Problems: The Prime Minister's Speech Disguises a Paucity of Coherent Thought* // *The Observer*. 2011. Feb. 6 (<http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/06/observer-editorial-multiculturalism-david-cameron>); *Banting K., Kymlicka W.* Is There Really a Retreat From Multiculturalism Policies? New Evidence From the Multiculturalism Policy Index // *Comparative European Politics*. 2013. Vol. 11. No 5. P. 577–598, и др. работы.

⁹ Другое название в исламской и исламоведческой литературе на русском языке — Мединское соглашение.

¹⁰ Об истории советского концепта «национальности» см.: *Кадио Ж.* *Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940*. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Портнов А.* «Национальность» как данность и как выбор (<http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/2162>).

¹¹ См., например: *Бухарин Н.И.* Героический советский народ // *Известия*. 1935. 6 июля.

¹² До 1974 года колхозники не имели права получить паспорт и уехать из своего колхоза — кроме особых категорий крестьян, например, живших в приграничных областях или в трех республиках Прибалтики, присоединенных к СССР в 1940 году. Подробнее см., например: *Жирнов Е.* Не имеют права на паспорт 37 процентов граждан // *Коммерсантъ-Власть*. 2009. 13 апр. (<http://www.kommersant.ru/doc/1147485>).